

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.16>

Место повседневности в рациональной культуре

Лариса Георгиевна Черемных

Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия,
evalex595@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-1615>

Аннотация. Рациональность мысли и действия является одной из основных ценностей современной культуры. Проникнув во все сферы жизнедеятельности общества, она детерминирует не только науку, искусство, право, экономику, политику, но и повседневную жизнь человека. Любое познавательное и практическое действие оценивается через призму его обоснованности разумом. До недавнего времени повседневность относили к иррациональным сферам культуры и принижали её значение. Ситуация изменилась, когда научное сообщество признало необходимость расширения смыслов и границ рациональности. Появившаяся концепция обыденной рациональности позволила легитимизировать повседневность как самостоятельную сферу рациональной культуры. В связи с этим представляется целесообразным определить место и роль повседневности в процессе рационализации культуры и уточнить степень её влияния на научно-технический прогресс.

Ключевые слова: рациональность, повседневность, культура, рационализация культуры, наука, преодоление повседневности, оповседневнивание, феномен

Для цитирования: Черемных Л.Г. Место повседневности в рациональной культуре // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1. С. 99–104. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.16>.

Original article

The place of everyday life in rational culture

Larisa G. Cheremnykh

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia,
evalex595@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0043-1615>

Abstract. Rationality of thought and action is one of the main values of modern culture. Having penetrated into all spheres of society, it determines not only science, art, law, economics, politics, but also the daily life of a person. Any cognitive and practical action is evaluated through the prism of its validity by reason. Until recently, everyday life was attributed to the irrational spheres of culture and its importance was belittled. The situation changed when the scientific community recognized the need to expand the meanings and boundaries of rationality. The emerging concept of everyday rationality allowed us to legitimize everyday life as an independent sphere of rational culture. In this regard, it seems appropriate to determine the place and role of everyday life in the process of rationalization of culture and to clarify the degree of its influence on scientific and technological progress.

Keywords: rationality, everyday life, culture, rationalization of culture, science, overcoming everyday life, notification, awareness, phenomenon

For citation: Cheremnykh, L.G. (2022) The place of everyday life in rational culture. *Society: Philosophy, History, Culture*. (1), 99–104. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.1.16](https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.16) (In Russian).

Повседневность, интегрируя в себе опыт человечества, является необходимым феноменом культуры. Своим присутствием она не просто придает культуре устойчивый характер, но и формирует почву для развития рациональности. Именно в повседневных социокультурных практиках происходит осмысление объективной реальности, формируются способы человеческой жизнедеятельности. Рациональность же, вплетаясь в ткань обыденной жизни, наполняется информацией о человеческом бытии и обогащает свою сущность.

Но если авторитет рациональности уже с момента ее осознания в античности был велик, то значимость повседневности в культуре философское сообщество признало относительно недавно. Так, М. Вебер, анализируя проблему «расколдовывания культуры», отдавая должное науке, подчеркивает пренебрежительное отношение к повседневности. Используя определение «выхоло-

щенная повседневность», он утверждает, что процесс «оповседневнивания» символизирует упадок и деградацию высокой культуры. Благодаря своей ограниченности и приземленности она выпадает в качестве рационализированной, формальной, «тупой»¹, «гнетущей»² сферы.

По его мнению, рационализация – исторически обусловленный процесс. «Одной из существенных компонент “рационализации” действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия «рационализация действия». Ибо последняя может протекать позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации и негативно – не только за счет разрушения нравов, но также за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения, при котором уже не верят в ценности»³.

В своем видении процесса рационализации М. Вебер отчасти солидарен с К. Марксом, который полагает, что в базисе общественного прогресса лежит развитие производительных сил: технические и технологические улучшения, эффективная организация трудящихся и т.п. Содержание материальной деятельности определяет содержание сознания субъектов трудовой деятельности, поэтому под влиянием рационализации производительных сил происходит революция в сфере производственных отношений. Изменение их приводит и к трансформации надстройки, которая включает в себя все культурные сферы общества. При этом повседневность Маркс не относит ни к базису, ни к надстройке, считая обыденную жизнь «низшей реальностью, значением которой можно пренебречь»⁴.

В своих рассуждениях К. Маркс и М. Вебер игнорируют тот факт, что любой тип рациональности может считаться сформировавшимся лишь тогда, когда целерациональное действие входит в жизненный мир человека. В повседневности социум ежедневно демонстрирует свою приверженность научной, этической, технической, социальной парадигме. Игнорируя значение повседневности, исследователи ограничиваются формальными проявлениями рационализации, не озадачиваясь тем, насколько глубоко она проникла в недра культуры. Такого рода нигилизм К. Маркса и М. Вебера в отношении повседневности сужает содержание процесса рационализации культуры, делает его односторонним и безликим.

В попытке исправить этот недочет неомарксисты объявляют повседневность ключевым феноменом культуры. Обращая внимание на скрытые в ней возможности трансформации жизненного мира, А. Лефевр подчеркивает, что именно в повседневности следует искать точку бифуркации исторического процесса (Lefebvre, 1959). Повседневность одновременно скрывает и обнаруживает изменения. В ней происходят революции человеческого существования, переживаются драмы и трагедии эпохи.

Поддерживая эту мысль, представители французской исторической школы, сложившейся вокруг журнала «Анналы», рассматривают развитие истории и общества в контексте особенностей обыденного сознания «безмолвствующего большинства». Утверждая, что «наша история является идеалистической... ибо экономические факты, как и всякие другие социальные феномены, возникают из веры и воззрений» (Ревель, 1993: 52), они укоряют «тех, кто толкует на свой лад системы многовековой давности, нимало не заботясь о том, чтобы поставить их в связь с другими проявлениями, породившей их эпохи» (Ревель, 1993: 52).

По всей видимости, нельзя отделять повседневность от других форм проявления культуры, поскольку, как справедливо заметил Н. Элиас, обратной стороной процесса «оповседневнения» является активная деятельность субъекта по «преодолению повседневности» (Elias, 1979). Примеры этого мы встречаем при ближайшем рассмотрении истории науки и техники. Так, Леонардо да Винчи, размышляя над возможностью длительного нахождения людей под водой, спроектировал модель подводной лодки; изыскивая средство быстрого перемещения человека, он создал прообраз автомобиля и вертолёта.

«Преодоление повседневности» обладает существенным творческим потенциалом, оно позволяет увидеть в привычных вещах и практиках источник вдохновения. Часто в основе рациональности лежит процесс «преодоления повседневности». Именно он «предупреждает дробление рациональности, обозначает ее действительные границы, указывает на реальные возможности их расширения...» (Белов, 1996).

Признание повседневности значимым явлением культуры позволило взглянуть на трансформацию типов рациональности как на внутреннюю потребность изменения жизненного мира. Ежедневная социальная реальность представляет собой однообразную рутину, которая, с одной

---

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 331.

² Там же. С. 325.

³ Современная западная философия : словарь / сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 1998. С. 75.

⁴ Там же. С. 52.

стороны, обеспечивает ощущение стабильности, а с другой – формирует отчетливое желание выйти из нее. Возрастающий конфликт артикулирует потребность активного поиска новой культурной парадигмы, содержащей в повседневности привычные элементы.

В таком контексте повседневность предстает как средство «конституирования» нового типа культуры. Она является своеобразным проводником, благодаря которому рациональность адаптируется в культуре и становится её неотъемлемой частью. Социум, пользуясь её плодами в своих субъективных социальных практиках, не вникает в тонкости научно-технического знания, он просто использует достижения рациональной культуры для оптимизации повседневности. В каждую историческую эпоху повседневность берет от рациональности лишь то, что способна воспринять в силу своего исторического и культурного состояния.

И. Касавин и С. Щавелев объясняют «функциональный характер повседневности» её «субстанциональной фрагментарностью», которая имеет свойство «актуализироваться в определенных условиях» и быть «неразличимой в других» (Касавин, Щавелев, 2004: 73). Повседневность скрепляет между собой разнообразные феномены культуры, формируя из них мозаичную картину. От конфигурации и модернизации элементов в итоге зависит тип культуры.

В истории человечества до недавнего времени существовали традиционалистский и техногенный типы культур. Последний базируется на развитии науки и техники. Под влиянием научно-технического прогресса трансформируется и обыденная жизнь человека.

Основной чертой техногенной культуры является её инновационный характер. Традиционные же общества, опосредованно присоединяясь к происходящим интенсивным преобразованиям, либо интегрировались в техногенную культуру, либо путем самостоятельно осуществляемой модернизации постепенно видоизменились в техногенные общества, сохраняя при этом черты самобытности (Степин, 2002).

Системы ценностей техногенных и традиционалистских обществ кардинально различны. В первом случае доминантными сферами культуры становятся наука и право, во втором – миф и религия. При этом и научное, и религиозное миропонимание базируются на рациональном мышлении.

В традиционной культуре существует два мира: мир земной и мир небесный. Мир земной – это своеобразный плацдарм, на котором человек может завоевать себе право на райскую жизнь в мире небесном. По мнению теологов, земная жизнь, с одной стороны, несет в себе соблазны и провоцирует на грех, а с другой – предоставляет возможность для спасения. Поэтому религиозные обряды, заповеди, каноны формируют образ жизни средневекового человека. Своеобразное религиозное мировосприятие, при котором весь спектр переживаний имеет религиозный окрас, насыщает повседневность духовным содержанием, и здесь уже трудно разграничить, где начинается повседневность и заканчиваются религиозные практики.

По мнению Ф. Тенбрюка, для М. Вебера рационализация общественной деятельности осуществлялась «под давлением внутренней логики, которой подчинялось неудержимое стремление к рационализации религиозных идей» (Tenbruck, 1959). Проникнув в сферу теологии, рациональность распространила свои законы и принципы на все конструкты жизнедеятельности человека. И быт, и религиозные практики находятся под её влиянием.

В техногенной культуре научное знание служит не только прагматическим целям, оно меняет мировоззренческие установки человека и ценностные ориентации общества. Промышленная революция XVII века заставляет переосмыслить социальную значимость объекта труда: человека сменяет техника. В силу своей надежности и эффективности она становится приоритетной производственной силой. Уже к концу XIX в. на долю промышленного производства приходится около 90 % всех работ. Происходящие технологические изменения вступают в конфликт с традицией, и тем самым пугают людей. Неслучайно лозунгом стихийного протеста луддитов стала фраза «Станки сожрали людей». Но постепенно, по мере освоения достижений техногенной культуры, неприятие сменяется эйфорией. Повышается качество повседневной жизни, в обиход входят приспособления, делающие жизнь людей значительно комфортнее. Модернизация социума приводит к трансформации жизненного мира человека. Складывается особая культура повседневности.

Главенствующая роль науки в техногенной цивилизации модернизировала человеческое общество, но она спровоцировала кризис духовности, который находит отражение в сочинениях экзистенциалистов. И в итоге, как справедливо заметил Ж. Моно, «человек осознал тот факт, что, подобно кочевнику, он живет на границе чуждого ему мира. Мира, который глух к его музыке и совершенно безразличен к его надеждам, страданиям и преступлениям» (Monod, 1972: 172–173).

Обеспокоенность за судьбу культуры прослеживалась и в выступлениях участников коллоквиума, проведенного Юнеско в 1974 г.: «За прошедшие сто с лишним лет произошел такой рост научной деятельности, в результате которого может создаться впечатление, что наука заменила

культуру в целом. Некоторые считают, правда, что это просто иллюзия, которая объясняется высокими темпами развития науки... Другие полагают, что триумф науки дает ей по крайней мере право управлять культурой в целом... Третьи, апеллируя к той угрозе, которая подстерегает человека и общество в случае их подчинения науке, пророчат упадок культуры» (*La Science et la Diversite des Cultures ...*, 1974: 43).

Рациональность прочно укоренилась в жизненном мире человека, но она не может заметить иррациональные компоненты культуры: чувства, эмоции, переживания. В реальности человеческое существование проникнуто одновременно и осмысленностью, и импульсивностью. Определенная спонтанность и непредсказуемость свойственны не только повседневности, но и науке. Игнорирование этого факта может усугубить существующие глобальные проблемы цивилизационного развития. Скорее всего, выход из сложившейся ситуации следует искать в изменении стандартов рациональности.

Пересмотр понятия рациональности берет своё начало в работах постпозитивистов. В отличие от неопозитивистов, выступающих за строго научную рациональность, постпозитивисты считают необходимым «сглаживать» формальную логику. Предложив интегрировать принципы науки в социокультурную практику, они отмечают, что рациональные решения «всегда направлены к одному и тому же и имеют одну и ту же форму: они нацелены на оптимальную согласованность с всеобщей целостностью. Это, конечно, не означает приспособления к обстоятельствам, к простой данности. Речь идет о подлинном согласовании, которое не может быть достигнуто ни произволом, ни силой или вообще только в видимости; достижение этой цели предполагает как разумное сохранение существующего порядка вещей, так и разумное его изменение» (Monod, 1972).

Так, М. Полани отвергал существующие критерии рациональности и считал, что «следует признать интуицию, внутренне присущую самой природе рациональности, в качестве законной и существенной части научной теории» (Полани, 1985: 36). По его мнению, любое научное знание не безлико, оно несет на себе «авторскую печать». Более того, личностные характеристики ученого позволяют ему преодолеть собственную субъективность.

Понимание рациональности как основы научного познания не вызывает возражений, но при этом надо помнить, что излишняя формализация может привести к упрощению и «обезличиванию» исследовательской деятельности.

Научное познание – исторически обусловленный, творческий процесс. Любое исследование несет на себе дух эпохи, поэтому акт познания следует всегда рассматривать в историческом контексте. Пытаясь преодолеть существующую реальность, ученый раздвигает рамки привычного и уже известного. «При кажущейся логической неизбежности научных изменений в действительности речь идет о тенденциях, имеющих характер исторического хода вещей и подчиняющихся ситуативно обусловленной внутренней “логике”, но тем не менее всегда оставляющих открытой возможность для непредусмотренного развития, отклоняющегося от того, что происходило до сих пор» (Белов, 2001: 19).

Но какие когнитивные особенности позволяют ученым преодолеть существующую научную парадигму? И может ли среднестатистический обыватель стать ученым? При ответе на этот вопрос следует обратить внимание на интеллектуальные способности исследователей, определить аспекты мышления, которые позволяют правильно воспринимать и обрабатывать полученную информацию.

Скорее всего, в мышлении ученого и «обычного человека» нет существенной разницы. Ученый, в силу своих личностных характеристик, при осуществлении научной деятельности также не застрахован от ошибок познания¹. Кроме того, стереотипы и предрассудки, свойственные обычному мышлению, могут сыграть положительную роль в научной деятельности. Так, по мнению А.В. Юревича, научная интуиция является результатом проникновения «способов мышления и из обычной жизни в область научной деятельности. Именно “ошибки мышления” и делают возможными качественные сдвиги в процессе научного познания и появление нового «видения» путей решения научных проблем. Опыт ученого, полученный им за пределами научной деятельности, направляет эту деятельность, делает его предрасположенным к построению определенных видов научного знания» (Юревич, 1999: 83).

Следует признать, что для того чтобы увидеть в обычных ежедневных практиках рациональное зерно и включить повседневный опыт в научное открытие, требуется креативность мышления. Для иллюстрации нашего утверждения приведем в качестве примера историю из медицинской практики. Известный венгерский ученый И. Земельвайс заметил, что если при осуществлении родовспоможения мыть руки и дезинфицировать инструменты, то количество случаев сепсиса и послеродового заражения существенно уменьшается. К сожалению, доказательств своей

---

¹ Психология науки : учеб. пособие / А.Г. Аллахвердян [и др.]. М., 1998. С. 78.

гипотезы он не предоставил, и взаимообусловленность соблюдения элементарных требований гигиены и роста заболеваемости не была замечена научным сообществом. В результате женская смертность от послеродового сепсиса еще двадцать лет оставалась очень высокой.

История знает немало примеров, когда научное открытие, полученное из фиксации фактов повседневности, не получило признания. Этому мешал диктат формальной логики, в соответствии с которым ни одно знание не может быть объявлено истинным без его необходимого и достаточного обоснования. Для устранения этого недочета и разнообразия сферы научных изысканий, по всей видимости, целесообразно расширить границы рациональности, сделать её объемной и многогранной.

В своей работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» Б. Вальденбанс понимает под рациональностью «то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности. Эта плюрализация рациональности приводит к тому, что бесконечному количеству форм иррациональности противостоит не одна всеохватывающая форма рациональности, а специфические, изменяющиеся формы рациональности вместе с противостоящими им специфическими формами иррациональности, которые отделяются от других форм рациональности» (Вальденфельс, 1991: 40).

Отождествление рационального с научным формирует парадокс, суть которого заключается в том, что не все рациональное научно и не все научное рационально. История развития культуры наглядно демонстрирует, что разумна не только наука, но и повседневность. Повседневность естественна, поэтому незаметна и самоочевидна. Она основывается на привычках, традициях, стереотипах. В ежедневных мыслях и социальных практиках проживается жизнь. Зачастую повседневность весьма однообразна и небогата событиями; в стремлении оптимизировать повседневность социум осваивает достижения научно-технического прогресса и тем самым оживляет процесс рационализации культуры. В свою очередь наука и техника черпают вдохновение из повседневности. Она дает им информационный повод для дальнейшего развития.

Скрытые в повседневности ресурсы помогают раскрыть потенциал культуры. Поэтому включение обыденного знания в сферу рациональности нельзя интерпретировать как попытку релятивизации научного знания. Уход от строгой научной формальности поможет изменить горизонты познавательной деятельности, сформировать альтернативные аспекты рациональности, которые не ограничиваются наукой, а затрагивают все сферы жизнедеятельности общества. Специфичная рациональность повседневности позволит исследователям увидеть на границе жизненного мира неожиданное и неизведанное.

Список источников:

- Белов В.А. Ценностное измерение науки. М., 2001. 284 с.
Белов В.Н. Обыденное сознание и человеческое бытие. Саратов, 1996. 188 с.
Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М., 1991. 480 с.
Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н., Гайденок П.П. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. 366 с.
Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. 430 с.
Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. 344 с.
Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 51–58.
Степин В.С. Наука и образование в эпоху цивилизационных перемен // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2002. № 1. С. 143–152.
Юревич А.В. Психологические механизмы научного творчества // Грани научного творчества. М., 1999. С. 79–113.
Elias N. Zum Begriff des Alltags // Kölner Zeitschrift zur Soziologie und Sozialpsychologie. 1979. № 20. S. 22–29 (на нем. яз.).
La Science et la Diversite des Cultures. P., 1974. 174 p. (на фр. яз.).
Lefebvre H. Critique De La Vie Quotidienne. Vol. 2. P., 1959. 248 p.
Monod J. Chance and Necessity. N.Y., 1972. 190 p.
Tenbruck F.H. Das Werk Max Webers // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1959. Vol. 11, № 3. S. 574–630 (на нем. яз.).

References:

- Belov, V. A. (2001) *Tsennostnoe izmerenie nauki* [The Value Measurement of Science]. Moscow. 284 p. (in Russian).
Belov, V. N. (1996) *Obydennoe soznanie i chelovecheskoe bytie* [Everyday Consciousness and Human Existence]. Saratov. 188 p. (in Russian).
Elias, N. (1979) Zum Begriff des Alltags. *Kölner Zeitschrift zur Soziologie und Sozialpsychologie*. (20), 22–29 (in German).
Gaidenko, P. P., Davydov, Yu. N. & Gaidenko P. P. (1991) *Istoriya i ratsional'nost': sotsiologiya M. Vebera i veberovskii renessans* [History and Rationality: Sociology of M. Weber and the Weber Renaissance]. Moscow. 366 p. (in Russian).
Kasavin, I. T. & Shchavalev, S. P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [Analysis of Everyday Life]. Moscow. 430 p. (in Russian).
La Science et la Diversite des Cultures (1974). Paris. 174 p. (in French).
Lefebvre, H. (1959) *Critique De La Vie Quotidienne*. Vol. 2. Paris. 248 p. (in French).

- Monod, J. (1972) *Chance and Necessity*. New York. 190 p.
- Polani, M. (1985) *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii* [*Personal Knowledge: on the Way to Post-Critical Philosophy*]. Moscow. 344 p. (in Russian).
- Revel', Zh. (1993) Istoriya mental'nostei: opyt obzora [The History of Mentalities: the Experience of the Review]. In: *Spory o glavnom. Diskussiya o nastoyashchem i budushchem istoricheskoi nauki vokrug frantsuzskoi shkoly «Annalov»*. Moscow, pp. 51–58 (in Russian).
- Stepin, V. S. (2002) Nauka i obrazovanie v epokhu tsivilizatsionnykh peremen [Science and Education in the Era of Civilizational Changes]. *Ustoichivoe razvitie. Nauka i praktika*. (1), pp. 143–152 (in Russian).
- Tenbruck, F. H. (1959) Das Werk Max Webers. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 11 (3), 574–630 (in German).
- Val'denfel's, B. (1991) *Povsednevnost' kak Plavil'nyi Tigl' Ratsional'nosti* [*Everyday Life as a Melting Pot of Rationality*]. Moscow. 480 p. (in Russian).
- Yurevich, A. V. (1999) Psikhologicheskie mekhanizmy nauchnogo tvorchestva [Psychological Mechanisms of Scientific Creativity]. *Grani nauchnogo tvorchestva*. Moscow, pp. 79–113 (in Russian).

Информация об авторе

Л.Г. Черемных – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия.
elibrary.ru/author_items.asp?authorid=523489.

Information about the author

L.G. Cheremnykh – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia.
elibrary.ru/author_items.asp?authorid=523489.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.12.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 13.01.2022.